

Есть вещи, дела, при обстоятельстве, на кои начальствующие непредвидимо, непостижимо обращают свое впечатленное внимание; это впечатление делается от единственного взгляда, и этот взгляд, останавливаясь на предмете своем, начертывает в уме какое-то таинственное предчувствие открытия дивного Промысла Божия или неосознание проступка, давно укоренившегося и почти едва не забытого, паче же почитаемого совершившим оный чуть ли за нимало незначущий.

Событие, совершившееся при жизни преосвященного Иоасафа Горленко, епископа Курского и Белогородского, что ныне Курской губернии, в его пастве.

В некоторое время Святитель, вступив на престол Курской и Белогородской епархии, собрал к себе в свой архиерейский дом всех во граде и окрестностях неподалеку находившихся духовных лиц, облеченных саном священства. Обозревая их очима телесными, заметил между сей священной паствой учителей веры и православия одного старца, священника маститого, украшенного сединами и согбенного от старости преклонных лет его жизни и почти уже сляченного (скрюченного. – *Сост.*) от бремени тела своего. Устремив испытующие взоры свои и возрев на него душевными очима, что-то таинственное вещало ему обратить внимание на маститого старца священника. Обозрев всех внимательно, пастырски, приветствуя почти каждого назидательным словом, отпустил их с святительским благословением, приноровив так, что маститый старец священник должен был последним быть к получению оного. Оставшись с ним один, обращается к старцу и, посмотрев на него внимательно впечатленно, как бы предугадывая открыть что-нибудь необыкновенно важное и таким образом рассматривая его, спрашивает о имени его и фамилии и сколько ему от роду лет. Священник, сказывая свое имя и фамилию, отвечает, что ему 130 лет. «Сколько священствуешь?» Тот отвечал: «70 и уже лет несколько нахожусь в заштате». Такая долгая жизнь, преклонная старость и согбенность старца, почти сляченного от долгоденствия его, возбудили Святителя к дальнейшему исследованию его жизни. Обозревая его мысленно, находит в нем и благочестие, и какую-то борьбу его совести с делами его жизни. И так размысливши, говорит ему: «Ты видишь пред собою пастыря, как отца стоящего перед сыном своим и желающего ближе узнать твою совесть, т. е. я хочу знать, не помрачена ли она каким-либо тяжким грехом, который может и по неведению твоему сочтен малозначащим и забыт. Долговременная жизнь твоя убеждает меня, как пастыря, войти в подробности сего предмета и, очистив душу твою, примирить с оскорбленным тобою, и данною мне властью простить и разрешить самую тяжесть греховную по глаголющему: *аще разрешите на земли, разрешена будут и на небеси*» (Мф. 18,18).

Богодухновенный пастырь, приготовляя таким кротким образом старца

священника к воспоминанию себе обстоятельств греховных, в жизнь его им содеянных, возбуждал раскрыть пред ним совесть свою, облегчить оную признанием своего проступка, неоднократно ему повторяя: «Пройди мысленно жизнь твою, поверь все случившиеся обстоятельства, приведи себе на память каждое действие служения своего к Богу, может быть, что-нибудь встретится имеющее тень какого-нибудь греха, или отступления от настоящей твоей должности, или что-нибудь подобное, которое и по днес тяготит твою совесть, душу и даже жизнь».

Старец, находившийся до сего, по-видимому, в самозабвении не памятованием за собою ничего такого, что бы связывало его земную жизнь, повторял неоднократно: «Не знаю, не помню». Наконец, слова Святителя тронули его до слез и он, припомя одно из важных преступлений, содрогнулся, вздохнул из глубины души и повергся к ногам Святителя, плача и рыдая неутешно. Святитель, соучаствуя его печали, но, между тем, радуясь, что увещания его осенились благодатию сочувствия и раскаяния, поднял старца и, посадив подле себя, мысленно молил Бога внушить ему открыть незабвенно все вдавне содеянное им.

Старец, оправившись сколько мог от душевного волнения и сколько позволяли слабые его силы, испустил вторично тяжкий вздох и, обливаясь слезами, начал говорить дрожащим от старости и потрясения чувств голосом.

«Владыко святыи! назад тому 60 лет я был в селе N священником. Властитель этого имения был человек и по значению своему и по достоинству сильный, важный, но гордый, надменный, своевластный, суровый, привыкший, чтобы все ему повиновалось, даже до священника, покорствуя его воле, иначе же всякое невыполнение, чье бы ни было и до кого бы оное ни относилось, сопровождалось без исключения строгим телесным от него наказанием. Теперь, как припомню, в один какой-то праздник я совершил пораньше Божественную литургию и по окончании оной намерен был отлучиться по собственной моей надобности неподалеку, как вдруг неожиданно входит от г. помещика человек и объявляет волю желания его, чтобы была служима литургия поздняя, и именно в то время, когда назначено будет от самого помещика. Что делать?! На что решиться? С одной стороны, страх быть жестоко наказану за ослушание от самовластного барина, а с другой — совесть и долг удерживали меня. Наконец, во избежание бедствия, я решился совершить вторую Божественную литургию и, убежденный более страхом, нежели совестью, дерзнул приступить к преложению таинств. По пришествии моем в церковь, облачась, совершил я проскомидию как следует и благополучно приступил к действию священной литургии; помолясь Богу и только взявши святое Евангелие, едва успел произнести: «Благословенно царство», невидимый глас, неизвестно откуда и от кого

происходящий, возгласил мне: «Остановись, что ты делаешь!» Я остановился ненадолго, как бы погруженный в какую-то мысль рассуждения, но, пришед в себя, паки начал «Благословенно царство». Вдруг опять слышу вторично тот же глас: «Не дерзай, аще же дерзнешь, проклят ты будешь». Я не рассудил и дерзновенно отвечал: «Ты будь проклят» — и продолжал, как следует совершать по чиноположению.

Окончивши Божественную литургию, провождал жизнь мою как следует, не думая и не памятуя о происшедшем, ведя, впрочем, дела церковные в порядке, напутствуя живых и умирающих православных христиан моей паствы неленостно, исправляя все требы безропотно. После того, во время генерального размежевания земель, это селение перенесено на другое место, церковь снесена и сделалось поле, которое отошло к возделанию земли. Меня перевели к тому же приходу, где и находился в должности, а ныне нахожусь на покое, священствуя [тут] всего около 50 лет».

Святитель от такого объяснения содрогнулся и проглаголал: «Ах ты окаянный, что ты сделал, ты проклял ангела Божия, хранителя того места, оба вы связаны проклятиями доныне. Так вот и причина долголетия твоего и удрученность телесного слячения». Святитель, не сказав мне более ничего и довольствуясь таким моим чистосердечным открытием, оставил меня у себя на несколько дней, довольствуя своим столом и утешая своею святою беседою, а между тем приказал отыскать походную полковую церковь; когда же она была готова, взяв потребное количество людей и все принадлежности к священнослужению, повелел и мне готовиться к священнодействию. Как же переведенное село было недалеко от Белгорода, равно и поле, где находилась уничтоженная церковь, то Преосвященнейший со всеми людьми, полковой церковью и со мною после того открытия отправились утром рано на оное поле к тому месту, где была церковь. Приехавши туда, Владыка меня спросил, точно ли я уверен, что церковь тут была; я представил ему с моей стороны все признаки бытия оной на сем месте, и он, удостоверившись в том, приказал раскинуть церковную палатку. Когда же все было готово, Преосвященнейший повелел мне совершить проскомидию, а окончивши оную, начать и Божественную литургию. Во время священнослужения Святитель стоял в алтаре на правой стороне; по окончании всей литургии старец священник сделал надлежащий отпуст и после сего вошел в алтарь. Святитель, подзвав его к правому рогу святого престола, велел читать: *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...* все до конца. По прочтении сего Святитель, благословляя его, сказал: «Прощаю и разрешаю тебя от всех твоих грехов».

Не прошло минуты, как старец, стоя еще в полном облачении, вдруг сделался так слаб, что глаза его начали закрываться, и он, поддерживаемый руками одного диакона, тут же, возлегши на земле против престола, где совершал умиловительную жертву,

изможденный летами, примирившись молитвами Святителя с Богом, ангелом, святой престол охранявшим, и своей совестью, испустил последнее дыхание жизни, удрученной летами и согбенностью тела. Заботливый Святитель приказал усопшего священника похоронить на том же самом месте, где проклятый ангелом старец совершал пред престолом Божественную литургию и окончил страдальческие дни своей 130-летней жизни.

Мир душе твоей, прощенный грешник, спи мирно до всеобщей трубы ангельской, имеющей воззвать всех на Суд.

Святителю Христов Иоасафе, моли и о нас грешных, чтущих тя, молим тя, испроси у Господа нашего Иисуса Христа, да дарует и нам кончину христианскую, непостыдну, мирну, прощение всех согрешений в исповедании их с сокрушенным сердцем, причащение Божественных Таин, неудержанное прохождение воздушных мытарств духов злобы поднебесных и водворение с лики избранных Божиих к наслаждению лицезрения Господня. *Господи Боже сил! Обрати ны и просвети лице Твое и спаси мя!* (Пс. 79, ст. 8).

Все изложенное здесь передано Симонова монастыря архидиакону Амвросию от архимандрита Палладия — наместника Александро- Невской лавры, а прежде бывшего наместником курского Знаменского монастыря. В то время он, архимандрит Палладий, находился при преосвященном Иоасафе Горленке келейником, будучи еще мальчиком. Иеродиакон же Амвросий, также еще будучи мальчиком, находился келейником у архимандрита Палладия и от него все это слышал.

1849 г. июня 13 дня передано от бывшего в Симоновом монастыре казначеем иеромонаха Феофана, находившегося тогда в Знаменском монастыре в числе братии.